

12. Урысон Е.В. Проблема исследования языковой картины мира: аналогия в семантике / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М. : Яз. слав. культуры, 2003.

* * *

1. Bulgakov M.A. Sobranie sochineniy : v 8 t. / sost. i komment. E.A. Yablokova. M. : AST: Astrel, 2007.

2. Vezhbitskaya A. Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov / per. s angl. A.D. Shmeleva ; pod red. T.V. Bulyiginoy. M., 1999.

3. Karamzin N.M. Ryitsar nashego vremeni. Poeziya, proza, publitsistika / sost., vstup.st. i primech. T.A. Alpatovoy. M. : Parad, 2007.

4. Pimenova M.V. Kontsept serdtse: Obraz. Ponyatie. Simvol : monogr. Kemerovo : KemGU, 2007.

5. Slovar russkogo yazyika : v 4 t. / AN SSSR, In-t rus. yaz. ; pod red. A.P. Evgenovoy. 2-e izd. M. : Rus. yaz., 1981–1984.

6. Slovo i znachenie vo vremeni i prostranstve: dinamicheskie protsessyi : kol. monogr. / pod red. E.B. Nikiforovoy. Volgograd : Izd-vo VGSPU «Peremena», 2012.

7. Turgenev I.S. Izbrannoe. L. : Lenizdat, 1980.

8. Turgenev I.S. Sobranie sochineniy : v 5 t. T. 5 : Ottsy i deti. Dyim. Nov: romanyi. M. : Rus. kn., 1994.

9. Ulitskaya L. Zeleniy shater : roman. M. : Eksmo, 2011.

10. Ulitskaya L. Iskrenne vash Shurik. M. : Eksmo, 2006.

11. Ulitskaya L. Skvoznaya liniya : Povest. Rasskazyi. M. : Eksmo, 2007.

12. Uryison E.V. Problema issledovaniya yazykovoy kartiny mira: analogiya v semantike / In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova. M. : Yaz. slav. kulturyi, 2003.

“Inner person” as one of the meaning of the lexeme “heart”

There is considered the meaning of the lexeme “heart” “inner person”. Based on the works of the Russian literature of the XVIII-XXI centuries there are determined the gender, age, toponymic, national characteristics that refer to this meaning, as well as considered the human experiences and feelings, positive and negative personal qualities as characteristic for this meaning.

Key words: semantics, lexeme “heart”, meaning ‘inner person’.

(Статья поступила в редакцию 19.05.2014)

П.С. ПИЩУЛИН
(Волгоград)

ФИГУРЫ ДВУСМЫСЛЕННОЙ РЕЧИ В ЖАНРЕ ЭПИГРАММЫ

Рассмотрено функционирование категории двусмысленной речи в жанре эпиграммы. Составлена классификация эпиграмм по типу выражения интенции в тексте, уточнены возможные для данного жанра элокутивные средства речевой двусмысленности, выявлены взаимосвязи различных фигур и особенности выразительного соприкосновения эпиграммы с некоторыми другими жанрами.

Ключевые слова: эпиграмма, фигуры двусмысленной речи, элокуция.

Вопрос об интенциональной направленности речевых жанров, несмотря на серьезный интерес со стороны исследователей, остается открытым. Интенция является смысловой основой любого жанра, она определяет содержание, адресата и, соответственно, влияет на элокутивный потенциал речевого жанра.

Избранный нами в качестве материала исследования жанр эпиграммы реализует три основные интенциональные стратегии: пейоративную (порицание, неодобрение), дерогативную (презрение, пренебрежительность) и реже – мелиоративную (одобрение, иногда восторг). Интенционально ориентированные речевые тактики (например, «despicio» – снисходительное, уничижительное отношение к адресату) диктуют отбор выразительных приемов и фигур. Особенность формы эпиграммы состоит в её краткости, часто сведении к одной фразе, поэтому в большинстве случаев в текстах этого жанра заложена одна, максимум две-три фигуры. В этом ключе представляется целесообразным разделить все эпиграммы на два больших класса по типу выражения интенции в тексте:

1) *элокутивно прямые* (выражающие интенцию непосредственно, с помощью явных элокутивных средств хулы, поношений или хвалы);

2) *элокутивно косвенные* (реализующие интенцию через намек, языковую игру, посредством фигур двусмысленной речи и т. д.).

В данной статье нас будут интересовать фигуры двусмысленной речи. М.А. Южанникова справедливо указывает, что в языке существует больше механизмов для возникновения двусмысленности, чем детально рассма-

тривается в научных работах, и что существует определенная терминологическая путаница, проявляющаяся во множестве, по сути, дублирующих друг друга терминов (*амбиология, амблуквенция, эквивокация, многозначность, амбигуэнтность, амфиболия, парасемия* и т. д.) [3]. Вслед за В.П. Москвиным мы понимаем под двусмысленностью речи возможность её инотолкования и подразделяем ее на нарочитую и случайную (или паразитарную) [1, с. 220–221].

При рассмотрении примеров двусмысленной речи в эпиграммах важно отметить, что паразитарного типа неоднозначности выявить нам не удалось. Думается, это напрямую связано, во-первых, с высокой речевой культурой избранных авторов, а во-вторых, с интенциональными особенностями эпиграммы, которая допускает исключительно преднамеренное использование многозначных фраз, намекая с виду безобидным прямым смыслом на едкую внутреннюю форму. Повышенное внимание авторов к собственному слогу и стилю письма в столь кратком жанре также имеет немаловажное значение. Фигурирование случайной двусмысленности в тексте возможно лишь в случае, когда ее авторство принадлежит адресату эпиграммы, а сама она является объектом осмеяния или порицания:

*Если пишет переводчица
«Под дождем графиня мочится»,
Вы не верьте переводчице –
Ей самой, наверно, хочется...*
(Е. Тараховская)

Автор иронизирует по поводу непреднамеренной двусмысленности, которая возникла в результате невнимательности некоего переводчика к лексической многозначности обыгранного в эпиграмме слова.

Нарочитая двусмысленность обычно базируется на смысловых ассоциациях по контрасту (антифразис) и по сходству (незамкнутая метафора) или на звуковых ассоциациях, основанных на полном/частичном звуковом тождестве слов. Представим некоторые фигуры речевой неоднозначности в функционировании в текстах эпиграмм разных литературных эпох.

Антифразис, будучи приемом двусмысленной речи, строится на отношениях контраста при противопоставлении говоримого подразумеваемому. Относительно высокая частотность антифразиса в эпиграммах обусловлена желанием автора подчеркнуть либо отсутствие какого-то признака у объекта порицания, либо противоположный смысл используемых слов.

*Люблю чиновников России
За их мздоимство, лень и ложь,
За то, что по ветру носы их,
Куда страну ни повернешь.
Но есть в моей любви оттенки,
Они как проблески во тьме –
Люблю чиновников у стенки,
А в крайнем случае – в тюрьме.*
(Л. Гаврилов)

Здесь антифразис *люблю* в первой части коррелирует с прямым значением слова *люблю*, идущим в связке с незамкнутой метафорой (*люблю чиновников у стенки*), которая в конце текста обновляет стершийся фразеологизм *поставить к стенке*.

Возможны комбинации указанного выше приема с другими речевыми фигурами. Антифразисное сравнение создается не без приема обманутого ожидания, реализуемого в резком противопоставлении – колкой, неожиданной концовке (англ. *pointed ending*), как это обозначает К.М. Холум [5, с. 22]: ... *Прекрасен Друзин, словно серна, / Употребленная слоном!* (выделено нами. – П. П.) (Е. Долматовский).

Двусмысленность в эпиграмме активно образуется через намек на смысловое сходство, т.е. при помощи незамкнутой метафоры, чей ближайший контекст не раскрывает ее смысла [1, с. 435]. Незамкнутость возникает из-за отсутствия опорного слова, подсказывающего, что скрывается за метафорой.

Например, поэт А.Г. Архангельский намекает на обобщенную сюжетность произведений писателя М.М. Пришвина через скрытое сравнение его с охотничьей собакой, частым персонажем книг натуралиста.

*Михаилу Пришвину
Он, несмотря на бороду и годы,
Чистейшее дитя... охотничьей породы.*

В эпиграмме реализована мелиоративная интенция: сравнение с собакой скорее выглядит как одобрительный акцент на бодрости уже почтенного М. Пришвина.

Подчас незамкнутая метафора конкретизируется в аллегории. Корректная идентификация в контексте и интерпретационное восприятие метафоры связаны с необходимостью опорного компонента, а как раз его отсутствие в открытой метафоре и задает аллегоричность: автор предполагает, что читатель будет в состоянии понять намек, соотнеся свои знания об адресате эпиграмматического текста и некое слово или словосочетание-маркер, ср.:

*Он честен даже перед Богом,
В стихах не стал он подлецом,
Авторитет у бандерлогов
Завоевал своим лицом.*

(В. Ишутин.
Эпиграмма на Дмитрия
Быкова, «гражданинпоэта»)

В своей эпиграмме В. Ишутин, высмеивая известного писателя, публициста и общественного деятеля, говорит о его «авторитете у бандерлогов». Использование слова *бандерлог* создает ассоциативную привязку (текстовую аллюзию) к стихотворению самого Д. Быкова «Свежий закон джунглей» (2011), где бандерлоги упоминаются в качестве аллегии представителей российской оппозиционной правительству блогосферы, причем автор не сомневается, что у читателей не возникнет герменевтической путаницы между «бандерлогами» Р. Киплинга и Д. Быкова (технически здесь уже три смысловых уровня).

Таким образом, аллегория как вид метафоры из своеобразной басенной формы Быкова «переезжает» в эпиграмму В. Ишутина, при этом присущий басне или притче пояснительный дидактизм полностью стирается, а на его месте мы видим уже энигму – аллегория без толкования. Подобный эффект представляется типичным для эпиграммы: она не учит, а, как говорил В.О. Ключевский, наказывает за незнание урока.

В рамках рассмотрения фигур, основанных на смысловых ассоциациях, необходимо отдельно сказать не только о метафорическом, но и о метонимическом переносе. Строго говоря, метонимия не является фигурой двусмысленной речи, однако, основанная на переносе по ассоциативной смежности с учетом каузальных связей [2, с. 117], она может стать основой для инотолкования.

У Г. Фрумкера в эпиграмме, посвященной поступлению в продажу туалетной воды «Жириновский», находим строку: *Скоро страна Жириновским запахнет!*.. На метонимию здесь в зависимости от толкования наслаивается как метафора «дурного запаха» речей и действий популистского политика, так и фонетическая аллюзия на фразеологизм *запахло жареным*. Полное или частичное фонетическое совпадение словоформ используется в эпиграмме для создания звуковой ассоциации.

Употребление полисемантов или слов, имеющих омонимы, в контексте, исключая их однозначное толкование, порождает фигуру дилогии [1, с. 240]. Дилогия может

формироваться как сама по себе, так и в комбинации с другими фигурами. В качестве примера рассмотрим отрывок эпиграммы Г. Фрумкера на певца С. Пенкина: *Кто? Отгадать сумеи. / Пен, понимаешь, кин. / Сер, представляешь, гей*. Дилогия создается в тексте при помощи диакопы – вклинивания одной речевой единицы в состав другой, сопровождающегося разрывом начального слова [Там же, с. 232], в комбинации с метанализом. Однако создается такая необычная форма не для уточнения, а с игровой и даже дерогативной интенцией сниженного характера: автор создает как бы эвфемизм без использования классических форм эвфемии.

Помимо полного фонетического тождества в эпиграммах встречается фигура метанализа, основанная на нарочитом (в рассмотренном нами случае) ложноэтимологическом переосмыслении по близкочувию фрагментов слова: *каВалерия* (именование В.И. Новодворской) или *арКАНСКИЙ фестиваль*, шутливо названный в честь А.М. Арканова. В представленных примерах имеет место графический метанализ посредством капитализации.

Явная фонетическая аллюзия присутствует у А.С. Пушкина в именовании чиновника М.А. Дондукова-Корсакова «князем Дундуком»:

*В Академии наук
Заседает князь Дундук...*

Т.И. Яковенко указывает на противоречие звуковых ассоциаций онима смысловому содержанию противопоставляемой единицы в эпиграмме [4, с. 80].

Однако не все приемы столь успешно используются авторами в эпиграммах. Например, в текстах данного жанра практически не встретить параграмм, т.к. их суть состоит в замене, которая нарушает рифму и ритм с целью создания эвфемистической иронии. Дело в том, что эпиграмма часто представляет собой очень короткий речевой акт, идентифицируемый подчас лишь благодаря стройности рифмы. Автор скорее предпочтет использовать графическое синкопирование или просто эллипсис обценного рифманта, чем рушить текст нестройным словосочетанием (например, в вышеупомянутой эпиграмме на князя Дондукова-Корсакова: *Почему ж он заседает? / Потому что <----> есть*).

Итак, в нашей статье мы представили основной спектр используемых в текстах эпиграмм фигур двусмысленной речи, предварительно подразделив их на смыслоассоци-

ативные и звукоассоциативные. Специфика жанра накладывает серьезный отпечаток на элокутивные средства, реализующие интенцию. Фигуры работают не только поодиночке, но и в виде разных комбинаций (аллегория + аллюзия, антифразис + прием обманутого ожидания, фонетическая аллюзия + каламбур и др.). Использование некоторых приемов, свойственных другим жанрам (басня, притча), роднит эпиграмму с ними лишь технически, поскольку в конечном итоге каждое изобразительно-выразительное средство подстраивается под нужды жанра.

Литература

1. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Терминологический словарь. Ростов н/Д. : Феникс, 2007.

2. Пауль Г. Принципы истории языка. М. : Изд-во иностр. лит., 1960.

3. Южанникова М.А. Двусмысленность и ее репрезентация в системе стилистических приемов [Электронный ресурс] // Молодёжь и наука : сб. материалов VII Всерос. науч.-техн. конф. Красноярск : Сибир. фед. ун-т, 2011. URL : <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/section16.html>.

4. Яковенко Т.И. Антифразис как способ передачи имплицитного содержания ономов // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. 25–26 марта 2013 г. Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. С. 79–81.

5. Holum K.M. The epigram: semantic basis for the pointed ending. *Linguistics*. 1972 (2009) [Electronic resource]. URL : <http://www.degruyter.com/view/j/ling.1972.10.issue-94/ling.1972.10.94.21/ling.1972.10.94.21.xml?format=INT>.

* * *

1. Moskvina V.P. Vyrazitelnyye sredstva sovremennoy russkoy rechi. Tropi i figury: Terminologicheskiy slovar. Rostov n/D. : Feniks, 2007.

2. Paul G. Printsipy istorii yazyika. M. : Izd-vo inostr. lit., 1960.

3. Yuzhannikova M.A. Dvusmyslennost i ee reprezentatsiya v sisteme stilisticheskikh priemov [Elektronnyy resurs] // MolodYozh i nauka : sb. materialov VII Vseros. nauch.-tehn. konf. Krasnoyarsk : Sibir. fed. un-t, 2011. URL : <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/section16.html>.

4. Yakovenko T.I. Antifrazis kak sposob peredachi implitsitnogo soderzhaniya onimov // Aktualnyye voprosy teorii i praktiki filologicheskikh issledovaniy : materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 25–26 marta 2013 g. Praga : Vedecko vydavatel'ske centrum «Sociosfera-CZ», 2013. S. 79–81.

5. Holum K.M. The epigram: semantic basis for the pointed ending. *Linguistics*. 1972 (2009) [Electronic resource]. URL : <http://www.degruyter.com/view/j/ling.1972.10.issue-94/ling.1972.10.94.21/ling.1972.10.94.21.xml?format=INT>.

Figures of ambiguous speech in the genre of epigram

There is considered the functioning of the category of the ambiguous speech in the genre of epigram. There is made the classification of epigrams by the intention expressing type in the text, clarified the possible elocutive means of speech ambiguity specific for the genre, revealed the correlation of various figures and peculiarities of expressive contact of the epigram with some other genres.

Key words: *epigram, figures of ambiguous speech, elocution.*

(Статья поступила в редакцию 16.06.2014)

Т.И. МОРОЗОВА
(Волгоград)

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И УНИКАЛЬНОЕ В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ДОНСКИХ ГОВОРОВ)

На материале донских казачьих говоров рассматриваются универсальные и уникальные ценности, отраженные в диалектной картине мира, отмечаются условия и причины формирования таких ценностей.

Ключевые слова: *диалект, донские говоры, казачество, универсальные и уникальные ценности, слово и фразеологизм, диалектная картина мира.*

Понятие картины мира вообще и языковой картины мира в частности строится на изучении представлений человека о мире. Если мир – человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке. В связи с этим ученые делают вывод, что наша концептуальная система, отраженная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним [3, с. 64]. Картина мира любого языка неизбежно